ОТАРИ АРШБА, СВЕТЛАНА ТАТУНЦ

Иммиграция и мультикультурализм в странах Скандинавии

Скандинавские страны отличаются от большинства других западноевропейских стран тем, что на протяжении большей части своей истории они были обществами с относительно гомогенной культурной средой. Особенно это касается Норвегии с пятимиллионным населением, очень высоким ВВП (500 млрд долл. США) и низкой безработицей – 3%. Не будучи ни в Европейском союзе, ни в еврозоне, Норвегия меньше других стран пострадала от экономического кризиса последних лет и сохранила экономическую стабильность, социальную защищенность, оставаясь чрезвычайно привлекательной для иммигрантов, несмотря на географическую отдаленность и суровый климат.

К категории «иммигрантов» в Норвегии относят лиц, родившихся вне пределов страны, или рожденных в Норвегии, если оба родителя родились вне пределов страны [Денисенко, Хараева, Чудиновских, 2003. С. 200]. Еще в 1992 году таких иммигрантов в стране было всего 4%. Но сегодня в Норвегии уже свыше 630 тыс. иммигрантов, что равняется почти 15% от общего населения страны, а среди жителей Осло их свыше 30%. За последние годы в Норвегию хлынул поток иммигрантов. Сначала это были беженцы с Балканского полуострова, позже трудовые иммигранты, главным образом, из Восточной Европы. Так, число поляков в Норвегии с 2001 года возросло в 14 раз до 91 тыс. человек, а литовцев – в 95 раз. Количество россиян за 13 лет увеличилось в 5 раз [1].

Очевидно, что такой резкий скачок трудовой иммиграции ставит норвежское общество перед множеством проблем по интеграции вновь прибывших иммигрантов. Здесь следует отметить, что, хотя сейчас большую часть иммигрантов в Норвегии составляют выходцы из Польши, Швеции, Германии и Литвы, азиатские и африканские иммигрантские сообщества отличаются достаточно высоким приростом по демографии. По отношению к выходцам из Скандинавии и Восточной Европы настроения общества нейтральные, а термин «иммигрант» употребляется в основном для неевропейцев, прежде всего мусульман. Одна треть (180 тыс.) иммигрантов приехала из мусульманских стран, и в большинстве своем, будучи беженцами, они не работают, а получают социальные пособия. Например, из всех 79 тыс. беженцев, прибывших в Норвегию в 2012 году, половину составляют выходцы из пяти мусульманских стран – Афганистана, Сомали, Эритреи, Ирака и Ирана. Примечательно, что из польских иммигрантов работает 77%, в то время как среди афганцев этот показатель составляет 50%, среди сомалийцев – только 36% [2].

Основы современного иммиграционного контроля в Норвегии были заложены еще в середине 1970-х годов. В то время действовал достаточно либеральный Закон об иностранцах, разрешающий трудовым иммигрантам обратиться за разрешением на работу уже после прибытия в Норвегию. Какая-

1 Immigrants and Norwegian-born to immigrant parents, 1 January 2014 // http://www.ssb.no/en/innvbef

2 Overview 2008: - How well is integration working? // http://www.imdi.no/Documents/Rapporter/Overview_2008_ENGLISH.pdf

ОТАРИ АРШБА, кандидат политических наук, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (103265, Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1), E-mail: arshba@duma.gov.ru

СВЕТЛАНА ТАТУНЦ, доктор социологических наук, профессор факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1). E-mail: fr-pr-st@yandex.ru

Аннотация: Среди западноевропейских стран Норвегия и Швеция вплоть до последней четверти XX века оставались культурно гомогенными, стоящими отчасти в стороне от массового притока иммигрантов в европейский регион из стран Азии и Африки. Авторы рассматривают социокультурные последствия превращения этих стран в «вожделенный социальный рай» для множества беженцев, нелегальных иммигрантов, «гастарбайтеров». Отказавшись от либерализации иммиграционной политики, но сохранив основные принципы государственной политики обеспечения прав и свобод легальных иммигрантов, эти страны ужесточили законодательство в последнее десятилетие в интересах социально-экономической и политической стабильности общества.

В статье выявляются общие черты и особенности иммиграционной ситуации Норвегии и Швеции, институциональные основания политики приема иммигрантов и их социокультурной интеграции. Прослеживается связь между проблемой неконструктивной стратегии социокультурной адаптации жителей этих стран с иммигрантским прошлым и исламским культурным background и изменениями в общественных настроениях в сторону ксенофобии, с растущей поддержкой правого популизма и антимусульманского радикализма. Модель социального государства и ценности либерализма в этом регионе сталкиваются с вызовами, которые могут потрясти их до основания.

Ключевые слова: социокультурная интеграция, мультикультурализм, шведская модель, толерантность, трудовая иммиграция.

либо предварительная аттестация, либо проверка квалификации не проводились, а спустя два года непрерывного пребывания на территории страны, иммигранту гарантировалось право на получение постоянного вида на жительство [Cappele, Ouren, Skjerpen, 2011]. Необходимо было только наличие договоренности о будущем месте проживания и достаточное для выполнения работы знание норвежского языка. Трудовые договоры составлялись на срок не менее года. С 1981 года иностранным студентам разрешалось работать, а по окончании учебы в норвежском вузе было проще остаться в стране.

В 1988 году норвежские власти смягчили иммиграционный режим для трудовых иммигрантов из Польши, разрешив им работать по туристической визе. В начале 1990-х годов продолжился процесс либерализации условий «воссоединения семей». В 1993 году Норвегия упростила процедуру получения убежища для жителей Боснии и Герцеговины.

В 1994 году Норвегия присоединилась к соглашению о Европейской экономическом зоне. По этому соглашению, Норвегия стала частью внутреннего рынка Европейского союза. Так, норвежские юридические и физические лица были уравнены в правах и обязанностях с юридическими и физическими лицами стран Европейского союза в вопросах, охватываемых Соглашением, а граждане этих стран, помимо возможности свободного въезда в Норвегию, получили право осуществлять в стране трудовую деятельность.

В период с 1997 по 1998 годы норвежские власти продолжили работу по либерализации законодательства по беженцам, в первую очередь из зон, охваченных гражданской войной, предоставляя убежище лицам, подвергающимся преследованию по религиозным, расовым или национальным признакам, а также вследствие принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям. С 1998 года лица, не подпадающие под действие Женевской конвенции о предоставлении статуса беженца, могут получить разрешение на пребывание по причинам гуманитарного характера [Денисенко, Хараева, Чудиновских, 2003. С. 198–206].

К 2003 году либерализация иммиграционного законодательства, начавшаяся с 1997 года, стала постепенно сворачиваться. Столкнувшись с рекордным числом беженцев, норвежские власти приняли ряд поправок к законам, регулирующим иммиграцию, с целью воспрепятствовать неправомерной и становящейся все более популярной практике легализации в стране иностранцев путем получения ими статуса беженца.

Очередное обновление иммиграционного законодательства произошло в 2008 году, когда в стране правила Рабочая партия Норвегии. Новый закон об иммиграции, с одной стороны, ужесточил правила, а с другой, обеспечивал высокий уровень соблюдения прав и свобод, легально въехавших в страну иммигрантов. Закон был призван упростить условия въезда «полезных» гастарбайтеров и перекрыть дорогу иждивенцам.

Сегодня норвежское правительство заявляет о стремлении к формированию такой иммиграционной политики, которая бы обеспечивала стабильное экономическое и социальное развитие страны. Иммиграция регулируется в рамках международных обязательств страны, имеет целью содействие развитию культурных связей и, пожалуй, самое главное, определяется конкретной потребностью в иммигрантах на рынке труда.

Самая большая группа иммигрантов, получающих разрешения на работу в Норвегии, это сезонные рабочие, которым выдается разрешение на работу сроком на три месяца за календарный год [Тюрюканова, 2004. С. 204–205].

Вопросы миграции в Норвегии координирует Департамент миграции Министерства местного самоуправления и регионального развития. В подчинении Министерства находится Иммиграционное управление, деятельность которого непосредственно связана с реализацией миграционного законодательства Норвегии [Денисенко, Хараева, Чудиновских, 2003].

Норвежское иммиграционное управление было образовано 1 января 1988 года в качестве центральной правительственной структуры, ответственной за реализацию иммиграционной политики страны.

В задачи Иммиграционного управления входит:

- рассмотрение заявлений на въезд, пребывание и работу в стране;
- рассмотрение заявлений о предоставлении убежища в Норвегии, управление центрами приема беженцев и взаимодействие с властями на местном уровне по вопросам интеграции иммигрантов;
- вопросы предоставления гражданства Норвегии;
- реализация программ возвращения иммигрантов в страны их выхода.

Численность персонала Иммиграционного управления составляет около 600 человек, 100 из которых работают в региональных отделениях. Сумма годового бюджета Иммиграционного управления доходит до 400 млн долл. США.

В реализации своих функций Иммиграционное управление взаимодействует с:

- представительствами Норвегии за рубежом, которые вовлечены в процесс рассмотрения заявлений на получение въездных виз и разрешений на работу и пребывание;
- службой занятости – в вопросах выдачи разрешений на трудоустройство;
- полицией, отвечающей за пограничный контроль и депортацию, а также выдачу временных разрешений на работу;
- муниципалитетами – в реализации политики интеграции иммигрантов;
- Советом по рассмотрению апелляций иммигрантов, функцией которого является пересмотр решений Иммиграционного управления;
- общественными организациями иммигрантов.

В настоящее время в стране разворачивается широкая общественно-политическая дискуссия о необходимости и направленности реформ в области регулирования иммиграции. Все это происходит на фоне усиления националистических настроений среди различных слоев населения. К политическим партиям, открыто призывающим к насилию и пропагандирующим расизм, обычно причисляют популистскую Партию прогресса, хотя назвать ее чисто националистической нельзя. В своей риторике прогрессисты исходят из либерального понимания свободы, которая «заканчивается там, где начинается свобода другого». Во многом идеи «норвежского террориста номер один» А. Брейвика были близки популистскому антимусульманскому течению среди сторонников Партии прогресса. 32-летний Брейвик в 2011 году у правительственных зданий Осло привел в действие мощное взрывное устройство, после чего открыл стрельбу на острове Утойя, в молодежном лагере – базе подготовки будущих лидеров правящей Норвежской рабочей партии. Основанная в 1887 году, эта лейбористская партия является крупнейшей политической партией Норвегии, она была главной силой в стране со времен Второй мировой войны, уступая власть консервативной партии лишь на краткие периоды.

Извлечь урок из «дела Брейвика» можно лишь осознав, что случившееся не есть единичное, ничем не мотивированное событие. Известно, что многие западные европейцы задаются вопросом о том, как можно если не остановить, то хотя бы упорядочить, растущую миграцию из Африки и Азии, и что делать с «агрессивным» проникновением исламской религиозной культуры в социокультурный ландшафт современной Европы в нынешней демографической ситуации.

Истоки показной толерантности норвежского общества отдельные эксперты находят в историческом прошлом страны, заявляя, что «реакция на унижения, пережитые во время Второй мировой войны в результате вторжения нацистов, отдавших власть в стране марионеточному фашистскому правительству, заставила Норвегию фанатично придерживаться удушающей формы политики консенсуса, в рамках которой основные партии соглашались практически по всем вопросам» [3].

Как все западные страны, Норвегия, отличающаяся особым богатством, высоким уровнем безопасности и социальной защищенности, ищет баланс между равенством в обществе и многообразием культур, между единством и различностью, мультикультурализмом и ассимиляцией иммигрантов. При этом для правящей Рабочей партии интеграция и равенство стоят на первом месте. Правительство ставит своей задачей обеспечивать условия, когда все население сможет участвовать в экономической жизни страны и трудоустраиваться. Поэтому этническая дискриминация на рынке труда запрещается законом и союзы работодателей постоянно проводят кампании по набору сотрудников из представителей меньшинств. Однако, как во всех вопросах социальной интеграции, термином «мультикультурализм» часто злоупотребляют для новой сегрегации и неправильно понятой толерантности. Так, многие политики называют Осло городом не «мультикультурным», а «разнообразным». При этом подчеркивается, что такое разнообразие предполагает одинаковый доступ к таким сферам общества, как образование и рынок труда.

Надо отметить, что норвежское правительство последних двадцати лет успешно создавало равные возможности для все более разнообразного населения страны. Но в действительности не все политические условия претворяются в жизнь общества. Так, например, на практике продолжает иметь место этническая дискриминация на рынке труда, в сфере образования и в жилищном хозяйстве, несмотря на все запрещающие законы.

Парадоксально, но религиозные организации в стране получают заметные государственные субсидии, а другие неправительственные организации меньшинств не имеют права на них. Иммигранты сплачиваются теперь больше по религиозному признаку, что наверняка не соответствует первоначальному замыслу и политической воле правительства. Также Норвегия не разработала единой национальной концепции по поводу обучения на языках меньшинств в начальных школах, о чем решения принимаются в каждом конкретном случае на местном уровне.

Интересно, как традиционные норвежские достижения, как например, в области равноправия женщин, отражаются в общественном дискурсе по поводу интеграции иммигрантов. Например, когда в Норвегии обсуждают мусульманские платки и хиджабы женщин, то акцент делается не на необходимой «секуляризации» (как во французском дискурсе) или на «общих ценностях» (как в Нидерландах), а исключительно на нарушении прав личности женщин, потому что равенство полов для норвежского общества является важнейшей ценностью. В этом контексте женщины, носящие хиджаб, представляются обязательно униженными своими мужьями, братьями, отцами. Очевидно, что в вопросах семьи и брака есть фундаментальные различия между позициями коренного населения Норвегии, культивирующего индивидуализм, и мигрантских сообществ, где семья и родственники всегда считаются важнее, чем собственное благополучие. В этой связи некоторые части второго и третьего поколения мусульманских иммигрантов обвиняют своих земляков и братьев по вере в отсталости от идеалов равенства полов в норвежском обществе и в недостающем уровне адаптации к современности [Eriksen, 2013. P. 9].

3 What turned Anders Breivik into Norway's worst nightmare? // http://www.independent.co.uk/news/world/europe/what-turned-anders-breivik-into-norways-worst-nightmare-2327214.html

Ситуация в Швеции немногим отличается от Норвегии. Страна, некогда моноязычная, где большую часть населения всегда составляли шведы и этническое меньшинство саамов (кочевавших по Северной Европе и в XVIII–XIX веках осевших на севере Швеции), с середины 1970 годов тоже приняла большие потоки беженцев из тех же мусульманских стран – из Ирана, Ирака, Ливии, Сирии, Турции, Эритреи. К концу 1980-х годов к очереди ищущих политическое убежище в Швеции стали присоединяться выходцы из Сомали, Косова и ряда бывших государств Восточной Европы. Продолжающаяся экспансия иммигрантов привела к тому, что доля иностранного населения Швеции возросла с 6,7% в 1970 году до 14,3% в 2010 году (1,33 млн человек), из которых только одна треть происходит из стран Европейского союза. Соотношение жителей с иностранным происхождением в Швеции почти сравнилось с Норвегией, Германией и США, так что Швецию можно с уверенностью назвать страной иммиграции. Причем, население Швеции, имеющее иностранное происхождение, значительно моложе, чем «коренное» население. Примечательно, что в отличие от других стран, в Швеции среди иммигрантов-беженцев большой процент с высшим образованием (наравне с Австралией, которая активно принимает наиболее квалифицированных по балльной системе) [Schröder, 2009. P. 40].

Но проблема знаменитого шведского социального государства в том, что в ходе глобального экономического кризиса безработица здесь значительно выросла и находится на уровне 7%[4]. При этом иммигранты меньше участвуют в рынке труда, они чаще безработные и получают меньшие зарплаты, чем коренные шведы. Фактически от универсалистской цели своей интеграционной политики – равных прав, возможностей и обязательств для всех граждан страны, независимо от их этнической принадлежности – Швеция еще очень далека.

Для граждан других скандинавских стран ситуация всегда была особой, и проблем с их интеграцией никогда не было. Принципы иммиграционной политики по отношению к ним вот уже 60 лет определяются так называемым «Северным соглашением», в рамках которого с 1954 года функционирует общий рынок труда (Швеция, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия). Соглашение устанавливает взаимные права граждан этих стран и позволяет без получения предварительного разрешения проживать и работать во всех скандинавских странах.

Шведская политика по трудовой иммиграции восходит к еще действующему положению от 1968 года о том, что использовать иностранную рабочую силу для регулирования спроса и предложения на внутреннем рынке труда Швеции недопустимо. Это значит, что выдавать трудовым иммигрантам разрешения на работу фактически можно только тогда, когда на внутреннем рынке труда нет специалистов требуемой квалификации. Однако с 2002 года парламентом была облегчена трудовая иммиграция. Так, например, лица творческих профессий, спортсмены и специалисты международных корпораций больше не должны получать разрешение на работу, если они работают в Швеции не дольше 12 месяцев.

По сравнению с другими европейскими странами, в Швеции наблюдается низкий уровень нелегальной иммиграции. Для ее предотвращения применяются определенные меры, среди которых: пограничный контроль, визовые требования, запрет использования труда иностранных работников без разрешения на работу, задержание и депортация нелегальных иммигрантов.

В сентябре 2008 года правительство определило общую стратегию интеграции. Она выделяет семь областей, которые особенно важны для достижения цели:

- более быстрая адаптация приезжих;
- увеличение рабочих мест, большее количество предпринимателей;
- равенство в школе и улучшение школьных показателей;
- улучшение языковых навыков и расширение возможностей для обучения взрослых;
- эффективные меры против дискриминации;
- развитие городских округов с социальной изоляцией;
- развитие общих ценностей при возрастающем разнообразии.

Главный упор делается на увеличение спроса и предложения рабочей силы, а также на создание качественных и равных условий обучения в школах.

В Швеции каждый министр, каждое министерство и каждый государственный орган отвечает за проблему интеграции в рамках своих полномочий.

Например, Министерство труда отвечает на вопросы относительно интеграции на рынке труда, а Шведская государственная служба занятости оказывает поддержку всем безработным, независимо от социального положения.

Министерство интеграции и гендерного равенства, под руководством министра Ньямко Сабуни, координирует работу правительства по интеграции. В его обязанности входит:

- помощь прибывшим в Швецию в адаптации;
- выдача шведского гражданства;
- борьба с дискриминацией и расизмом;
- пропаганда демократии и прав человека;
- развитие городских округов с обширной социальной изоляцией;
- наблюдение и оценка в области интеграции.

Муниципалитеты занимаются многими вопросами, которые важны для интеграции. Например, муниципальные органы, осуществляющие интеграционную политику, отвечают за обучение и за планирование жилых районов. Основная ответственность за здоровье и медицинские услуги лежит на районных

4 Statistics Sweden // http://www.scb.se/en_/

советах регионального уровня. Окружные административные советы представляют центральный правительственный орган в регионах. Они способствуют развитию в области интеграции путем координации работы центральных государственных учреждений, муниципалитетов и окружных советов [Лащенко, 2014. С. 364–368].

На современном этапе, в отличие от Норвегии, Бельгии и Франции, где активная полемика политических партий по вопросу иммиграции гарантированно привлекает внимание масс и служит одним из наиболее эффективных и эмоционально заряженных средств самопозиционирования партийных лидеров, в Швеции миграционные проблемы пока на периферии общественно-политических дискуссий.

Но уже много лет относительно большие затраты на социальные выплаты для иммигрантов и сравнительно низкие поступления от уплаты ими подоходного налога превращают приезжих первого и последующих поколений в обузу для государства [Густафсон, 2003. С. 185–212]. В то время, когда этнический и конфессиональный состав населения Швеции становится все более разнообразным, с каждым годом становится труднее учитывать потребности и взгляды различных групп. Отдельные группы вытесняются на периферию социальной жизни, лишаясь возможности прямого воздействия на принимаемые в их отношении решения властных органов. Происходит быстрое возрастание численности мусульманского сообщества страны, что требует от властей большего внимания к нуждам этой достаточно активной прослойки шведского общества.

Чтобы понять шведскую интеграционную политику концептуально, надо помнить, что Швеция еще с 1930-х годов выстраивала свои отношения с иммигрантами как «дом народа», что и позволило стране создать одну из самых надежных систем социальной поддержки человека и перераспределения доходов. Согласно Закону о социальных услугах 1982 года, шведские муниципальные органы несут ответственность за людей, проживающих в рамках их границ независимо от их гражданства.

Одновременно с обретением статуса иммигранта или беженца «новые шведы» получают права на детские пособия, социальные квартиры по «Millionprogrammet» (социальной программе, по которой шведское правительство хотело построить млн социальных квартир за одно десятилетие), выплаты по безработице (для проработавших не менее полугода и выплачивавших при этом налоговые отчисления), а также на индексированные пенсии по старости. Не удивительно, что страна, поддерживающая режим максимального благоприятствования для всех «новоприбывших», за последние десятилетия подверглась сильнейшему иммиграционному давлению и превратилась в мультикультурное и поликонфессиональное государство.

При этом культурный облик современной иммиграции в Швецию формируют не идейно близкие шведам финны, датчане, норвежцы, немцы, а выходцы из Боснии и Герцеговины, Ирака, Ирана, Турции, Ливана, Сирии, Сомали, Эфиопии, Чили и Индии. Основная масса иммигрантов находится на территории Швеции уже больше десяти лет, и более 60% из них имеют шведское гражданство. За это время в пригородах Стокгольма сформировались кварталы, отделенные от остального общества, «бедные коммуны», населенные преимущественно «новыми гражданами». По мере возрастания в районе количества выходцев из «третьих стран», его традиционно покидают этнические шведы, в результате чего изолированные в своих этнонациональных общинах иммигранты утрачивают как возможность, так и потребность к самостоятельной интеграции. Районы, где доля выходцев из «третьих стран» преобладает, оказываются намного беднее других. В то время как по стране в целом лишь 7% населения живет на социальные пособия, количество «льготников» среди иммигрантов в этих районах составляет более 30%. В некоторых группах, например, среди выходцев из Эритреи и Эфиопии, оно превышает 90%. Следовательно, налоговые поступления этих коммун невелики и они вынуждены либо жить на государственные дотации, либо идти на сокращение сферы услуг и снижение и без того низкой зарплаты. Коммунальные власти и союзы квартиросъемщиков обращаются к властям с требованиями выработки программ по привлечению в эти районы шведских семей, которые по понятным причинам возвращаться в пригороды, отданные на откуп иммигрантам, не торопятся [Чернышева, Коликов, 2000. С. 36–39].

Действительно, если первое поколение иммигрантов, опасающихся быть выдворенными из страны, вело себя достаточно скромно, то стиль поведения второго поколения резко изменился в худшую сторону. Иммигрантская молодежь бедных районов растет в атмосфере ценностного вакуума, утратив естественные связи со своей национальной культурой и не обретя прочных связей со шведским обществом. Это объясняет ту исключительную легкость, с которой обитатели иммигрантских «гетто» втягиваются в преступные сети, а также то, почему именно они составляют основной процент заключенных большинства шведских тюрем (например, в городе Кумла примерно 75% заключенных – иммигранты) [Чернышева, Коликов, 2000. С. 36–39].

Помимо социально-демографического облика Швеции, иммиграция заметно изменила религиозный ландшафт страны. К традиционной для Швеции лютеранской церкви сейчас принадлежит только 86% населения. В некогда монолитной, протестантской стране уже действует немало мечетей – в Гетеборге, Упсале, Мальме, Трольхеттане и стоит вопрос о строительстве новых мечетей – в Стокгольме, в Лунде, в Линчепинге и Йенчепинге. Сам за себя говорит тот факт, что мечети открываются даже в некоторых бывших христианских храмах при общем уменьшении числа прихожан.

И хотя большинство шведов разделяют принципы свободы религиозной деятельности, вопрос строительства мечетей и мусульманских кладбищ в последнее время все больше приобретают характер проблемы не столько градостроительной, сколько политической. Так, например, в мае 2011 года в Гетеборге состоялся митинг против строительства мечети, организованный Шведской лигой обороны (Swedish Defense League), а через три месяца в городе Скёвде неизвестные пытались поджечь временное здание мечети, возведенное на участке, выделенном городскими властями под строительство мусульманского религиозного комплекса. Со временем на территории комплекса должны были расположиться шведская Исламская академия и Союз мусульманских докторов районов Стокгольма, Гётеборга и Мальмё [5]. В обоих случаях реакция общества была крайне неоднозначной: приверженцев либеральной политики по созданию иммигрантам условий для поддержания их культурной исключительности по-прежнему крайне много, однако, все громче раздаются голоса их противников.

Наиболее ожесточенная дискуссия о соответствии политики мультикультурализма вызовам сегодняшнего дня связана с образовательной сферой. Именно школа после семьи выступает основным институтом социализации человека и призвана внедрять в сознание учащихся нормы и ценности, лежащие в основании шведского общества. В соответствии с законом, государство гарантирует обучение шведскому языку детей, не владеющих им, начиная с детского сада и до окончания школы. Четкое следование этому принципу должно обеспечить базу для последующей интеграции иностранцев в общество, процесса – немыслимого без свободного владения языком принимающей страны. Однако параллельно в Швеции действует программа преподавания отдельных предметов на родном языке обучающихся, для которой в страну выписывали учителей из-за границы. Право детей-иммигрантов изучать математику уровня начальной школы не на шведском языке закреплено законодательно, им в 2007 году воспользовалось более 18 тыс. учеников, прослушав начальный курс математики на родном арабском языке.

Созданный еще в 1998 году государственный департамент интеграции, призван гарантировать приезжим равенство их прав с местным населением, бороться с проявлениями ксенофобии, расизма и дискриминации и осуществлять мониторинг развития интеграционных процессов в обществе. Он предлагает каждому вновь прибывшему иммигранту трехлетнюю программу интеграции для доведения знаний шведского языка до приемлемого для последующего трудоустройства уровня. При этом правительство Швеции не только не чинит препятствий в реализации прав иммигрантов на сохранение культурной самобытности, но даже поддерживает их в этом. Так, в частности, за счет государства библиотеками страны закупается литература на иностранных языках, поддерживаются общественные организации иммигрантов. Муниципальные власти оплачивают услуги переводчиков, которые помогают беженцам при посещении различных государственных и медицинских учреждений. В Швеции работают 130 так называемых высших народных школ, где взрослые иммигранты по желанию могут изучить шведский язык и получить специальность. Действует система коммунальных учебных заведений для взрослых. Но есть серьезные проблемы эффективности этих мер. Только одна треть слушателей курсов достигает достаточных знаний языка для дальнейшей интеграции в рынок труда.

Также иностранные дипломы, в том числе о высшем образовании, в Швеции не признаются, что мешает квалифицированным и мотивированным иммигрантам трудоустраиваться по специальности. Они вынуждены получать высшее образование вторично или выполнять низкоквалифицированную работу. Многих годами держат на самых различных курсах по переквалификации без желаемого результата [6].

Следует отметить, что градус протестных настроений коренного населения Швеции в отношении иммигрантских, и в первую очередь исламских общин страны, нарастает пропорционально ухудшению экономических условий жизни в стране. Если в 1990-е годы Швеция представляла собой благополучное государство с высоким уровнем жизни, то на современном этапе расходы на социальные нужды ежегодно урезаются. Согласно статистике OECD, Швеция относится к странам с наибольшим социальным расслоением: 20% имущего населения принадлежит три четверти всех богатств. В подобных условиях система социальной защиты, уравнивающая в правах всех своих пользователей, вне зависимости от их реального вклада в развитие экономики страны, вызывает сильнейшее недовольство шведов. На протяжении всей своей жизни они направляют значительные отчисления в государственную казну в расчете обеспечить себе безбедную старость, в итоге же им приходится делиться своим заработанным благополучием с людьми, признающими себя частью шведского общества лишь тогда, когда дело касается получения социальных пособий. Мультикультурализм по-шведски, обернувшийся замыканием иммигрантов внутри своих этнонациональных общин и превращением значительной доли иностранной молодежи в иждивенцев, требует критического пересмотра во избежание развала всей системы социального обеспечения в стране.

Таким образом, несмотря на поиск баланса между равенством в обществе и многообразием культур,

5 В Швеции пытались сжечь мечеть // http://www.regions.ru/news/2369005/

6 Шансы на лучшее будущее. Как в Европе пробуют решать проблемы детей-мигрантов // http://upr.1september.ru/view_article.php?id=201000714

между единством и различностью, мультикультурализмом и ассимиляцией иммигрантов, Швеция и Норвегия постоянно сталкиваются с вызовами своему благополучию, привычному образу жизни и своим традициям. Следует отметить, что правительство обеих стран принимает проблему и пытается найти способы ее решения, а не отрицает ее существование. Изменения происходят максимально осторожно и аккуратно, чтобы не допустить дискриминации иммигрантов. Однако опросы общественного мнения показывают, что правительство проводит миграционную политику, не учитывающую интересы коренного народа. Кроме того, количество иммигрантов продолжает расти быстрыми темпами. Исходя из этого, можно сделать вывод, что иммиграционная политика должна быть преобразована в соответствии с насущными проблемами, пока социальный кризис не достиг своего пика. В противном случае, никто не знает, чем закончится противостояние приезжих и местных жителей и к чему приведет чрезмерно лояльная политика со стороны правительства.

Литература

Густафссон Б. Современный опыт Швеции в области международной миграции: Проблемы и исследования // Журнал исследований социальной политики. 2003. №2.

Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М.: ИЭПП, 2003.

Лащенко П.В. Миграционная политика Скандинавских стран как фактор трансформации современного скандинавского общества // Молодой ученый. 2014. №15.

Тюрюканова Е. Между Сциллой и Харибдой: политика трудовой иммиграции некоторых европейских стран (Великобритания, Ирландия, Норвегия, Греция) // под. ред. Г. Витковской. Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции. М.: Гендальф. 2004.

Чернышева О., Коликов Н. И Швеция – не без проблем // Обозреватель. 2000. № 4.

Cappele A.,Ouren J. and SkjerpenT. Effects of immigration policies on immigration to Norway 1969-2010 // Statistics Norway. Oslo–Kongsvinger. December 2011.

Eriksen T.H. Immigration and National Identity in Norway, Migration Policy Institute. 2013.

Schröder L. Die schwedische Immigrationspolitik // WSI Mitteilungen. 2009. № 1.

IMMIGRATION AND MULTICULTURALISM IN THE SCANDINAVIAN COUNTRIES

OTARI ARSHBA, Candidate of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (103265, Moscow, Okhotny Ryad street, 1), E-mail: arshba@duma.gov.ru

SVETLANA TATUNTS, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the faculty of world politics, Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory, 1). E-mail: fr-pr-st@yandex.ru

Summary: Norway and Sweden were cultural homogenous societies partly away from Europe´s mass immigration from Asian and African countries until the last two decades of the 20th century. The authors investigate social and cultural consequences of transformation of these countries into a “desirable social paradise” for dozens of refugees, illegal immigrants and migrant workers (“Gastarbeiter”). Having turned down immigration policy liberalization and preserved the main state principles of providing all legal immigrants with rights and freedoms support, Norway and Sweden have toughened their legislation during the last decade for the sake of strengthening social, economical and political stability of the society. The article shows the common traits and specific features of the immigration situation in both countries and institutional grounds for admission policy of new immigrants and their social and cultural integration. The authors analyze the connection between the problem of non - constructive strategy of the socio - cultural adaptation of the citizens with immigration and Islamic cultural backgrounds and the rise of xenophobic moods in the society and stronger support for right-wing populism and anti-Islamic radicalism. Both the welfare state and liberal values face big challenges which may come like a thunderbolt for the social system in general.

Keywords: social and cultural integration, multiculturalism, Swedish model, tolerance, labour immigration

References

Gustafsson B. Sovremennyi opyt Shvetsii v oblasti mezhdunarodnoi migratsii: Problemy i issledovaniia // Zhurnal issledovanii sotsial’noi politiki. [Modern experience of Sweden in the international migration field: problems and studies // The Journal of Social Policy Studies] 2003. №2.

Denisenko M.B., Kharaeva O.A., Chudinovskikh O.S. Immigratsionnaia politika v Rossiiskoi Federatsii i stranakh Zapada. [Immigration policy in the Russian Federation and European countries] M.: IEPP, 2003.

Lashchenko P. V. Migratsionnaia politika Skandinavskikh stran kak faktor transformatsii sovremennogo skandinavskogo obshchestva // Molodoi uchenyi. [Migration policy of the Scandinavian countries as a factor of transformation of the modern Scandinavian society // Young Scientist] 2014. №15.

Tiuriukanova E. Mezhdu Stsilloi i Kharibdoi: politika trudovoi immigratsii nekotorykh evropeiskikh stran (Velikobritaniia, Irlandiia, Norvegiia, Gretsiia) // pod. red. G. Vitkovskoi. Mirovoi opyt migratsionnoi politiki: retrospektiva i noveishie tendentsii. [Between Scylla and Charybdis: the labor immigration policy of some European countries (UK, Ireland, Norway, Greece) // edited by G. Vitkovskaya. World experience of the migrational policy: retrospective and the newest trends.] M.: Gendal’f. 2004.

Chernysheva O., Kolikov N. I Shvetsiia - ne bez problem // Obozrevatel’. [Sweden also has problems // Observer] 2000. № 4.

Cappele A.,Ouren J. and Skjerpen T. Effects of immigration policies on immigration to Norway 1969-2010 // Statistics Norway. Oslo–Kongsvinger. December 2011.

Eriksen T.H. Immigration and National Identity in Norway, Migration Policy Institute. 2013.

Schröder L. Die schwedische Immigrationspolitik // WSI Mitteilungen. 2009. № 1.